

Сорока и дети

*В. А. КОРШУНКОВ,
кандидат исторических наук*

Одна из самых известных русских песенок-потешек, которыми взрослые с незапамятных времен забавляли детей, – про сороку. Текст этой потешки, несомненно, старинный и давно устоявшийся. “Сорока-белобока” или “сорока-ворона” – она “кашку варила”, потом “на порог скакала, гостей поджидала”, “созывала”. Стрекотанье сороки, действительно, согласно народному поверью, – к появлению гостей. Впрочем, гости в потешке – дети, именно детишек сорока угощает, наделяя их, одного за другим, своей кашей. Всем досталось, кроме младшего, который оказался ленивым и нерадивым. И дальше – либо: “Шу-у, полетели, на головушку сели!”. Либо концовка иная:

Иди, малый, по водицу
На холодную криницу.
Тут пень, тут колода,
Тут мох, тут болото,
Тут холодная водица.

Или же:

Тут ключики кипят-кипят!

При такой концовке пальцы взрослого пробираются по руке ребенка от ладони и выше, чтобы с финальными словами пощекотать подмышкой.

Итак, сорока связана с детьми. Просто потому, что песенка-потешка про нее – это забава для самых маленьких. Но еще и потому, что в тексте потешки речь тоже идет о гостях-детях. Интересно, что стрекотанье сороки могло предвещать не только приход гостей, но и скорое рождение ребенка – “новорожденного гостя” (Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 192). Новорожденного нередко называли “гостем”. Вообще же *гостем* считали приходящего издалека, из чужого и чуждого, “иного” мира. *Гость* потенциально опасен, и его нужно угощать, чтобы задобрить и расположить к себе. Тогда он может одарить *гостинцами* – знаками своего благорасположения. Так именовали и невесту, и купца, и чужеземца, врага и покойника. Так эвфемистически называли болезнь и смерть.

Новорожденный – тоже гость, ведь он является в наш мир из “иного мира”, он еще не укоренен в нашем бытии, он даже не вполне еще человек. Младенец и роженица находятся в пограничной, переходной ситуации. Избавить их от опасного влияния инобытия, уберечь от колдовского воздействия, очеловечить новорожденного гостя – всё это были сложные, но необходимые ритуально-магические задачи, которые в народной традиции выполнялись повивальной бабкой. Бабка-повитуха – это не просто деревенская акушерка. Она была и знахаркой, то есть *знающей* обряды. Ее чародейное искусство смыкалось с ведовством и колдовством, разве что обычно бывало направлено на доброе, а не на злое. Она внушала односельчанам опасливое уважение, без нее было не обойтись, но ее и немного побаивались...

“Бабушка пупорезна” (то есть повитуха) упоминается в любопытной русской детской потешке:

Бабушка пупорезна по торгу ходила,
Шило да мыло купила, всех ребят перемила.
Пятерым она давала кушать:
Тому дала ложку, тому – поварешку,
Тому – горшок, тому – масленичек.
А ты маленький, ты коротенький,
Ты на меленку не ходил,
Ты баенки не топил, водушки не носил.
Горячая вода – кипяток, кипяток...

(Русский детский фольклор Карелии. Петрозаводск, 1991. № 130).

Обычным местом родов бывала баня. Упомянутое в этой потешке мыло – неперенный атрибут повитухи.

Вполне очевидно, что этот текст близок к тексту потешки “Сорока”. Главное отличие в том, что в карельской потешке речь идет не о сороке, а о бабке-повитухе. Фольклорно-мифологический образ сороки в народном восприятии был связан с малыми детьми. Но на-

сколько устойчива такая своеобразная взаимозаменяемость сороки и повивальной бабки?

В некоторых вариантах потешки “Сорока” (например, там, где упоминается “кипяток”) появляется тема бани: “...Приехали гости распарить кости”; “...Воду носит, баню топит” (Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I: Младенчество. Детство. М., 1991. С. 122, 127); “Сорока-ворона баню топила, гостей поджидала: не приедут ли гости, не пойдут ли в баньку?” (Детский поэтический фольклор: Антология. СПб., 1997. № 683). Конечно, в баньку можно обычных заезжих гостей сводить, коли они с дальней дороги... Но если сорокины гости – малые дети, то баня эта может оказаться и совсем другой. Вот какая баня упомянута в одном из вариантов потешки: “...Дрова носит, баню топит; дитю парит” (Мудрость народная. Вып. I. С. 124). Это, похоже, послеродовая баня, которой ведала повитуха.

В одном из опубликованных вариантов известной скоморошины “Птицы” говорится о сороке, а сразу затем – о вороне: “Ворона-то на мори бабка...” (Исторические песни. Баллады/Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. С.Н. Азбелева. М., 1986. С. 275). Можно предположить, что в старину расхожим было сравнение сороки (сороки-вороны?) с повивальной бабкой. В двух фольклорных текстах, вариантах скоморошины “Птицы”, записанных в 1937 г. в Вожгальском и Советском районах Кировской области (хранятся они в Кирове, в личном архиве Т.К. Николаевой), говорится о кукушке, которая “детей собирала, жаворончков выкликала”. Другой текст – еще интереснее:

Не на море кукушка кукует, не за морем горюшко горюет –
Старая старушка-повитушка не по корму детей собирала,
Жаворонков выкликала.

Вятские записи позволяют реконструировать примечательный набор образов и мотивов, который, очевидно, некогда был присущ скоморошине “Птицы”. “Закливание жаворонков” – это исполнение коротких протяжных обрядовых песенок-закличек. Так поступали весной, обычно – 9 марта (по старому стилю), в день сорока мучеников севастиийских, этот день в народе называли “Сороки”. Пекли обрядовое печенье в виде птичек – “жаворонков” или “куликов”. С печеными “птичками” играли, а живых, настоящих птиц зазывали, прося поскорее прилететь и принести с собой весну-красну, тепло, здоровье и урожай.

Из-за созвучия слов *сорок* и *сорока* приметы и поверья этого дня были связаны с сорокой. Говорили, что в этот день сорока гнездо заводит и кладет в него сорок палочек. Перелетные птицы, как считали в народе, появлялись из “заморья”. Характерно, что в этих текстах

повитуха неотличима от птицы (бабки-повитухи в птичьем обличье). Тут и малые дети, которых она собирает. В вятских записях явно искажены, переиначены до обесмысливания слова о каком-то “корме”, но, похоже, что исходно там упоминалось угощение для детей. Очевидна тема повитухи в контексте женского, детского и птичьего праздника в начале весны. А обрядовое празднование прилета птиц отмечалось некогда именно женщинами, девушками и детьми. И было связано с сорочьим днем – 9 марта.

Сорока в народном представлении постоянно сопоставлялась с женщиной. Сорока – это бабка-ведунья, ведьма, *вещица* (от глагола *ведать* – обладать сакральным знанием). Эта птица не просто вещая, а зловещая. Она могла накликать беду и смерть. *Вещицы* – это ведьмы-оборотни, которые обычно вдвоем залетали через печную трубу в дом к беременной бабе. Они похищали плод, заменяя его во чреве обгорелой головешкой, краюхой хлеба или веником-голиком, жарили его и пожирали, сидя на печном шестке. В этом жутком образе народной демонологии проступают черты древнего мифологического персонажа, птичьего и одновременно женского, ведающего рождением и судьбой. М.Н. Власова пишет об этом так: «Вещица, птица-людоедка – воплощенная судьба и смерть одновременно (представления о смерти как о похищении, поедании – одни из древнейших). В то же время, по поверьям многих народов, божества, которые могут похитить, съесть, уничтожить роженицу и ребенка, хотя и опасны, но необходимы. Видимо, образ, подобный вищице, согласно “мифологической логике”, объединяет в себе и божество, дарующее жизнь, и божество, ее отнимающее» (Власова М.Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь СПб., 1998. С. 85). Проникнув в избу, вещица-сорока иной раз принимала облик повивальной бабки. Поэтому к магическому знанию повивальной бабки относились несколько настороженно. Так что сорочье обличье повитухи засвидетельствовано быличками.

Сорока, подобно реальной деревенской бабке-повитухе, имела отношение к деторождению. Своим стрекотанием она предсказывала рождение ребенка. В народе верили, что сорока может приносить младенцев в семьи. *Сороковой* называли очистительную молитву женщины через шесть недель после родов – примечательно существенное для народного восприятия созвучие со словом *сорока*.

В Куединском районе Пермской области записан рассказ о двух старушках, действия которых очень похожи на манипуляции сорок-вещиц: «У одного мужика жена в положении была. Раз пришел у ей муж выпивши, и спать все легли. Вдруг заходят две старушки, одна другой говорит: “Давай ребенка достанем, краюху хлеба положим”. Другая: “Головенку засунем”. Мужик-то проснулся, соскочил, давай всех будить. Одну-то бабу он узнал – она ходила детей принимать» (Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прика-

мье. Пермь, 1991. № 266). Это сравнительно поздний, заметно демифологизированный вариант поверья о вынимающих ребенка из материнского лона *вещицах*. Тем не менее и в этом рассказе сохраняется архаичное представление, что зловредный демонический персонаж – *вещица* – может оборачиваться повивальной бабкой. Любопытно, что в том же Куединском районе бытовало и такое поверье: *векшицы* (так их именуют там), забрав плод из женского чрева, вкладывают на его место мыло – предмет, бывший неслучайно принадлежностью и даже своего рода символом бабок-повитух.

Итак, получается, что в некоторых случаях сорока в народном мировосприятии ассоциировалась с повивальной бабкой. Само по себе это не должно нас удивлять: в конце концов, в сказках роль повитухи приписывает себе и лукавая лисица. Если так, то связь сороки с малы-ми детьми в потешке совсем не случайна. Тексты потешек, в чем не раз уже приходилось убеждаться, вообще поразительно интересны и архаичны. Они явно запечатлели следы древних обрядов.

Киров

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ, шифр гранта ГОО-1.6-471.

